

Иванов с переулка Маяковского

К 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ

В громадной и до сих пор до конца не прочитанной истории Великой Отечественной войны человеку с фамилией Иванов очень даже просто затеряться. За то, что этого не произошло с Григорием Александровичем Ивановым, героически погибшим при освобождении Гомеля, спасибо прежде всего гомельчанам, а также ребятам и учителям из ярославской школы № 2, многим другим хорошим людям.

Самое удивительное в этой истории – две толстые папки документов. Подлинных. Огромный личный архив полковника Иванова, попавший в школу № 2 больше тридцати лет назад при обстоятельствах, подробности которых затерялись в дали времен. Как документы, многим из которых место в военном и прочих архивах, оказались в скромном школьном музее? Как именно погиб полковник? Жив ли сейчас кто-нибудь из некогда большой и ветвистой семьи Ивановых – Фирсовых? Ответы на эти вопросы может дать новый поиск.

Григорий Иванов (род. в 1904 г.) – коренной ярославский, заволжский. Отец его работал на станции Урочь маяжром. Григорий с двенадцати лет определился к нему учеником, одновременно, видимо, по вечерам постигая науки. Вот листок – «Сведения об успехах и поведении» в железнодорожном училище при станции Урочь за первое полугодие 1917 года: по всем предметам, в том числе по немецкому языку, у Григория Иванова четверки и пятерки. Тройка одна – по французскому (в техническом училище преподавали сразу два иностранных языка – неплохо!).

В автобиографии, отпечатанной на слепой пишущей машинке уже в советское время явно для какой-то казенной надобности, приведены подробнейшие сведения обо всех родных: семерых братьях и сестрах, родителях, родственниках отца, матери, жены. Многие тоже железнодорожники – на станциях Урочь, Филино, Уткино, Всполье: дорожный мастер, «переездная сторожиха», рабочий. Затесался, правда, один помощник начальника станции, но в целом происхождение для нового времени подходящее – во многом именно оно, наверное, определило дальнейшую судьбу.

В феврале 1919 года Григорий вступает в комсомол, в ноябре того же года, пятнадцати лет, – в партию. И замелькала жизнь, постоянно меняясь, как за окном мчащегося поезда.

В марте 1920-го он – красноармеец в отдельном батальоне особого назначения. Через четыре месяца – секретарь райкома комсомола в Тверицах. Через два года – он в военно-спортивном центре губвоенкомата. Еще через год – секретарь губсовпартшколы.

В 1923 году его избирают секретарем партячейки станции Урочь, а в 1924-м – председателем профкома фабрики «Упорный труд». Между двумя этими назначениями, 31 января 1924 года, Г. А. Иванов получает билет корреспондента газеты «Северный рабочий» по Тверицкому району. Говоря современным языком, видимо, нештатного, потому что в том же году его направляют работать опять на новое место – в горфинотдел. Куда партия посылет – так тогда говорили.

Григорий вникает в премудрости учетного дела, заканчи-

вает курсы Наркомата финансов СССР, работает инспектором, заведующим отделом, замзамом городского финотдела.

Нравилась ли ему самому такая дерганая жизнь? Похоже, все складывалось не так гладко, как выглядит в длинном послужном списке. Сохранилось письмо его отца к другому сыну, в нем отец пишет, что где-то посредине своей фи-

нансовой карьеры Григорий вдруг сорвался, уволился, «почему, мне неизвестно, ведь ты знаешь, что Гриша на слова «сверху» на него затребовали партийную характеристику, состоялось общее собрание управления военной части. И вот протокол с чьей-то репликой: «Надо ему указать на излишнюю скромность».

Скромность, однако, не мешала служить так, как положено. Через несколько дней после окончания финской Иванов получает звание «дивизион-

решается пребывание во всех штабах и соединениях фронта. По своему требованию он должен быть ознакомлен с обстановкой на фронте и отданными боевыми распоряжениями, а также по всем вопросам боевой подготовки и материального обеспечения. Удостоверение служит правом проезда через границу в обе стороны и по всем дорогам».

Интересно положить рядом этот документ и другой, датированный предыдущим годом. В 1939-м, в короткий промежуток между боевой службой на западных границах и финской войной, Григорий Александрович несколько месяцев служил в мирном Киеве. Когда в очередной раз откуда-то «сверху» на него затребовали партийную характеристику, состоялось общее собрание управления военной части. И вот протокол с чьей-то репликой: «Надо ему указать на излишнюю скромность».

Скромность, однако, не мешала служить так, как положено. Через несколько дней после окончания финской Иванов получает звание «дивизион-

запаса встал под ружье.

С этого времени он кадровый военный, коим и оставался до конца своих дней.

Несмотря на то, что был «на слова скуп», через несколько лет службы был направлен слушателем в Военно-политическую академию имени Ленина (военно-воздушный факультет). Время приближалось суровое, выпущен был досрочно, участвовал в операции по присоединению Западной Украины и Западной Белоруссии, а с началом финской кампании получил назначение туда.

10 января 1940 года. Удостоверение бригадного комиссара Иванова Григория Александровича свидетельствует, что «он состоит в особой группе при Военном совете Северо-Западного фронта. Ему раз-

ный комиссар», а вслед за тем и предписание о назначении заместителем командующего военно-воздушными силами Закавказского военного округа по политической части.

Началась война с фашистами. От того времени в папках всего несколько листочков, но по ним, пусть частично, можно судить о его боевом пути.

Вот удостоверение, датированное 3 января 1942 года: «...военный комиссар военно-воздушных сил Кавказского фронта, дивизионный комиссар Иванов Григорий Александрович командует в военный совет Приморской армии города Севастополя для выполнения специального задания Военного совета фронта».

Предписание от 2 июня

1942 года о назначении военным комиссаром Борисоглебской авиационной школы пилотов.

Летал ли он сам, стрелял ли по врагу лично? Трудно сказать, но оружие, как любой мужчина, конечно, любил.

Сохранилась накладная на получение полковником Г. А. Ивановым пистолета и браунинга. А в 1943 году его арсенал пополнился еще одним пистолетом, и с ним связана отдельная история, по-военному коротко изложенная в адресованном ему частном письме. Автор – бывший сослуживец и бывший подчиненный Иванова, обогнавший его в чинах, к тому времени уже генерал-майор по фамилии Мироненко.

«...В связи с эвакуацией (а ей приходилось эвакуироваться несколько раз) моя семья оказалась в весьма сложных и даже тяжелых условиях. Я все время на фронте. Помочь ей ничем не мог. Благодаря только Вашей личной помощи и заботам моя семья благополучно живет и здравствует в городе Борисоглебске.

Тов. Иванов! У меня нет слов, которыми я мог бы выразить свои чувства благодарности за Вашу чуткость, проявленную ко мне как к бывшему подчиненному, и заботу по сохранению моей семьи. Спасибо и спасибо... В знак выражения благодарности и признательности моей прошу принять от меня маленький фронтовой подарок – пистолет (P. Veretta)».

Григорий Александрович не мог не понять товарища. Он тоже беспокоился о своих близких, тоже переживал. Когда случилась оказия сообщить о себе, старался найти какие-то легкие, спокойные слова, внушить надежду. «Я живу по-прежнему хорошо, только скучаю о вас», – писал он дочери Тамаре, когда их авиационный корпус громил врага на Курской дуге и под Орлом. «Питаю надежду как-нибудь повидаться. Думаю и надеюсь, что это время будет», – из последнего письма, написанного за два месяца до гибели.

О том, как это случилось, сведения очень скудные. На мраморной доске, установленной на одном из домов в Гомеле и сфотографированной лет тридцать назад ярославскими школьниками, читаем: «Улица

названа в честь заместителя командира 6-го авиационного корпуса Иванова Григория Александровича, погибшего при осуществлении Гомельско-Речицкой операции 2 мая 1944 года. Похоронен в сквере Героев на площади Труда г. Гомеля».

Есть несколько фотографий, сделанных во время похорон. Вместе с Ивановым хоронили тогда генерал-майора Антошкина. Похоже, они погибли вместе.

Ребята из заволжской школы № 2 во главе с учительницей Ириной Александровной Василенко оказались тогда, в 1970-е годы, первыми ярославцами, заинтересовавшимися судьбой Иванова. Они разыскали жену Григория Александровича, которая жила в Одессе. «Вероятно, часть документов передала нам она, часть подарил Гомельский музей, но точно я сказать не могу», – вспоминает И. А. Василенко. После нее организатором внеклассной работы стала в школе Елена Васильевна Фимская, продолжившая эту тему, дальше эстафету подхватили Людмила Романовна Голванова, другие учителя, в школе появился музей.

Но время идет, нет теперь пионерской дружины, которая носила имя Григория Иванова, нет дальних экскурсий, поездок. Сейчас зades ищут такие формы работы, которые могли бы привлечь к имени славного земляка новые поколения детей.

Тем временем нашлась пища и для взрослого ума и сердца. Музей Богдановича, в кругу друзей которого ярославские белорусы и участники Великой Отечественной войны освобождавшие Белоруссию устраивает сегодня вечер памяти Григория Иванова. На выставке будут представлены документы, о некоторых из них мы рассказали. Может быть найдутся его родные или те кто его знал, а главное – до тонных исследователи уникального архива.

Основная надежда на ветеранов и студентов. Поиск может оказаться интереснейшим. Тем более что отправную точку указал в свое время сам Григорий Александрович. В его автобиографии, написанной в 1939 году, он назвал адрес родного дома (тогда в нем еще жили мать, сестра Евгения и брат Виктор): «Тверицы, 10, переулок улицы Маяковского дом 4, кв. 1».

Татьяна ЕГОРОВА